

анатоль куратов

цунами

роман

«Русский Букер» 2007
Дважды

Анатолий Курчаткин

Цунами

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167281

Цунами: «Время»; Москва; 2008

ISBN 978-5-9691-0259-X

Аннотация

«Цунами» – выразительный и динамичный рассказ о времени и о судьбе человека, роман-аллегория, роман-предупреждение. Герою, математику по образованию, мечтавшему в юности об университетской преподавательской карьере, в новое время (девяностые годы ушедшего века) приходится стать предпринимателем. Но карьера не складывается, столкнувшись с бандитами, он оказывается на краю гибели. Справиться с этой ситуацией сам он не может, надеется на помощь друзей. А друзья не спешат... Действие романа происходит в России и Таиланде, куда поиски помощи забрасывают героя; и там, в волшебном, райском краю, проведя через цепь приключений, жизнь ставит героя перед выбором: благополучное разрешение смертельно опасной ситуации возможно, но и назначенная плата за помощь очень высока.

Содержание

Цунами	4
Глава первая	4
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анатолий Курчаткин

Цунами

Посвящаю моим друзьям Арчу и Маргарет Тейт

Цунами

оборотившись, он увидел море.

И. Бродский «Post actatam nostram – После нашей эры»

Не дает ответа.

Н. В. Гоголь. «Мертвые души»

Глава первая

Забавно, но с Дроном Цеховцем Рад познакомился в Консерватории, куда, в общем-то, попал случайно. Еще забавнее, что познакомил их знаменитый актер Андрей Миронов, несколько лет спустя умерший от сердечного приступа прямо на сцене, – с которым при этом ни сам Рад, ни Дрон знакомы не были.

Все это получилось так.

Рад тогда усиленно пытался добиться благосклонности одной прелестницы из МГИМО. Добивался он благосклон-

ности уже несколько месяцев, но отношения сводились в основном к бесконечным телефонным разговорам; внимания добиться удалось, а благосклонности не очень. Ситуация напоминала осаду толстостенной, хорошо укрепленной крепости, и от недели к неделе становилось яснее, что измором эту цитадель не взять. Ее следовало брать какой-то особой хитростью, каким-то необыкновенным хитроумным приемом – нужно было применить некое спецоружие, аналог коня, оставленного ахейцами перед воротами Трои.

Троянский конь явился в образе американского пианиста русского происхождения – прославленного Горовица. «Владимира Самойловича», сообщал «Советский энциклопедический словарь», к помощи которого Раду пришлось прибегнуть, потому что никогда прежде о прославленном пианисте русского происхождения он не слышал. Дело происходило в последние годы советской власти, с гастрольями в Советский Союз, почивший невдолге в бозе, тогда зачастили всякие бывшие русские, достигшие где-то там, в другом мире, всяческих высот славы, и вот среди них оказался этот Владимир Самойлович. Горовиц, Горовиц – шелестело на факультете между немногочисленными завсегдатаями Консерватории и Колонного зала, с такой воодушевленной значительностью в голосе, – у Рада ушки встали на макушку, и он подкатил к одному из завсегдатаев, которого как-то выручил шпорой на экзамене, за просвещением.

Завсегдатай не только просветил, но и дал наводку, как за-

получить на мировую музыкальную величину билеты, снабдив необходимым паролем к нужным людям. Нужные люди держали очередь в Консерваторию, не допуская в нее никого чужих. Во главе спаянной команды, отхватывавшей себе три четверти билетов, поступавших в продажу, стоял ясновельможный пан по имени Ян (впрочем, спустя несколько лет, уже в новые времена, оказавшийся будто бы евреем и слинявший на социалку в Германию), сутулый, мятый жизнью человек с прозрачными выпуклыми глазами и начавшими сесть волосами, патлами лежавшими на воротнике короткой самодельной дубленки, о которой так и хотелось сказать «заячий тулупчик». Заячий тулупчик местами продрался, и края прорех были бесстыдно стянуты черной суровой ниткой. Ухватками ясновельможный пан, несмотря на возраст, напоминал сбежавшего со школьных уроков и ошалевшего от воздуха свободы старшеклассника-переростка. Он извлек из кармана тулупчика измятую и согнутую пополам ученическую тетрадь в клетку, поводил шариковой ручкой по списку и выудил оттуда номер с фамилией, которыми и наградил Рада. Тут же, однако, поставив условием незамедлительно выйти на дежурство в ночь: бдеть с тетрадкой до восьми утра, записывать всех желающих и не позволить никому завести другую очередь. «Без труда не вынешь и птичку из пруда», – глубокомысленно изрек он, вооружая Рада необходимыми телефонами – кому звонить, если что, вызывать подмогу. «Рыбку, – поправил его Рад. – Не выловишь

и рыбку». – «Рыбку из пруда, приложив труд, каждый дурак выловит», – сказал Ян.

В качестве новобранца Раду досталось отдежурить не одну, как всем остальным, а три ночи, и еще раза два по нескольку часов в светлое время. Но зато в день продажи билетов, когда с окруженного колоннадой ротондного крыльца зазмеилась на улицу тысячеголовая очередь, он был всего лишь в пятом десятке и свои два билета держал в руках через полчаса, как открылась касса.

Цитадель из МГИМО при известии о богатстве, отягчавшем его карман, распахнула крепостные ворота – словно они никогда и не были заперты. «А как ты достал? – неверяще проговорил ее голос в трубке. – Я по отцовской театральной книжке хотела купить – так мне не досталось». Отец у нее был послом в одной из стран Латинской Америки, страшное дело, какая номенклатура, привилегии на развлечения ему полагались по должности, независимо от того, присутствовал он в отечестве или блюл его интересы далеко от родных границ. «Не книжки блатные нужно иметь, а смекалку и разворотливость», – весь сгорая от ликования, ответил ей Рад.

Что там конкретно играл Горовиц, тем более, как играл, Рад не запомнил. Ну, что-то Шопена, что-то Листа, в общем, виртуоз романтической школы и виртуоз, не было Раду никакого дела до мастерства знаменитости, – он вкушал одержанную победу. Поверженная Троя лежала у его ног, Прекрасная Елена была с ним, была его. Сидела с ним рядом

на идущих полукругом переполненных красных скамьях амфитеатра, прижатая к нему соседями по скамье до того тесно, что ощущал сквозь пиджак и брюки твердую косточку ее бедра, и в самих брюках от этого тоже кое-что твердо толкалось в штанину, болезненно несоразмерное пространству, в котором было заключено; а когда перенимала у него бинокль, чтобы увидеть лицо знаменитости, и когда отдавала, пальцы ее обласкивали его пальцы, так что несоразмерно тесное пространство делалось тесным до отчаяния. Потом он, в очередной раз переняв у нее бинокль, задержал ее руку в своей, какое-то бесконечное мгновение, напрягшись, рука ее словно думала, как поступить, и ослабла, отдав себя в его власть.

В антракте они отправились в буфет. Прекрасная Елена не очень-то и хотела, – Рад настоял. Победа, в честь которой не дано достойного пира, – что за победа? В буфете наливали шампанское в высокие узкие бокалы, продавали бутерброды с икрой и семгой, можно было выпить чаю с пирожными. Рад взял шампанского, взял бутерброды, взял чаю с пирожными. И расплачиваться выщелкнул из кармана новенькую, словно бы только что сошедшую со станка, сотенную, которую припас специально для похода в Консерваторию, обменяв на нее все деньги, что наскреб в доме. Когда достаешь из кармана сотенную – это еще тот эффект. Сотенная, выпорхнувшая из потаенности кармана на свет, производит впечатление, что их там у тебя пруд пруди, тьма и тьма. Краем глаза по вы-

ражению лица Прекрасной Елены Рад заметил, что должное впечатление произведено.

У буфетчицы, однако, не оказалось сдачи. Как ни много Рад набрал всего, но и сдачи ему требовалось изрядно, рублей восемьдесят пять, и буфетчице, возможно, просто не хотелось оставаться без достаточного количества купюр более мелкого достоинства.

– Разменивайте как хотите, – с неприступным видом объявила она, и весь этот ее вид свидетельствовал, что тут крепость почище всякой Трои.

Рад обернулся к толпе за спиной. И взгляд его тотчас схватил лицо Миронова. Трудно было бы не выделить то лицо в толпе, такое знакомое по экрану – что кинематографическому, что телевизионному.

– Никто не разменяет? – потрясая хрустящим Владимиром Ильичом с Водовзводной башней Кремля, спросил Рад.

Вопросил всех, а взгляд его был прикован к Миронову.

И актер, словно Рад именно его и попросил об одолжении, готовно полез во внутренний карман своего элегантного серого пиджака, так хорошо известного по телеэкрану, и стал вытаскивать из него деньги. Десятку, десятку, еще десятку, пятидесятирублевку, сотенную, другую. Вот у него, похоже, этих сотенных было там вдосталь.

Сотенных было вдосталь, а купюр меньшего достоинства, чтобы разменять сто рублей Рада, недоставало.

Осознав это, Миронов на мгновение замер, переводя свой печальный славяно-иудейский взгляд с Рада на его спутницу, потом быстрым эластичным движением выдернул из вскинутой вверх руки Рада Владимира Ильича с Водовзводной и, воздев их еще выше, оглядел толпившийся около буфетной стойки народ, жаждавший добавить к празднику духа праздник живота, с таким видом, словно был духовидцем и читал по лицам, что у кого и сколько в кармане. А может быть, и действительно читал?

– Молодой человек, поспособствуйте обществу двинуть очередь дальше. Разменяйте, – выбрал он в толпе одного – сверстника Рада, ничем внешне не примечательного, если не считать отличного, серого в клетку костюма, ничуть не менее элегантного, чем пиджак актера, и незаурядного носа: с таким круглым набалдашником на конце, будто нашлепка у циркового клоуна, разве что не столь выдающегося размера, – почему Миронов решил, что у этого обладателя замечательного костюма и носа с набалдашником окажется достаточно денег, чтобы разменять сторублевку?

Однако же сверстник Рада, похмыкивая, вытащил из кармана кошелек и, раскрыв его, пошел выдергивать изнутри купюру за купюрой: пятидесятирублевка, десятка, десятка, – напоминая теперь своими движениями уже циркового фокусника.

– Но при условии, что бокал шампанского и на меня, – произнес он, держа деньги в воздухе и не отдавая их Миро-

нову. – М-м? – посмотрел он на Рада.

– Еще бокал шампанского, – бросил буфетчице Рад.

Обладатель толстого кошелька и носа с набалдашником, все так же похмыкивая, словно обтяпал некое выгодное дельце, передал Миронову разноцветный веер, принял Владимира Ильича с Водовзводной и скрыл их во тьме своего иллюзионистского кошелька.

– Прошу! – протянул Миронов полученный веер Раду, глянув на него лишь мельком и пожирая глазами (именно пожирая, так он глядел!) его спутницу.

Раду стало понятно, что подвигло звезду экрана озаботиться чужой проблемой с разменом сотенной. Вернее, кто. Прекрасная Елена, хотя и не носила этого имени, в смысле эпитета вполне ему соответствовала. Рад рядом с ней буквально ощущал кожей, что значит «прекрасная». Не красивая, не привлекательная, не миловидная – прекрасная. Она была вся, как сосуд, наполненный чем-то драгоценным. И осознающая себя в этом качестве. Осознание наполненности бесценным сокровищем было в посадке ее головы, в ее осанке, походке.

Он внутренне ошетинился. Чтобы позволить кому-то, кто бы то ни был, покуситься на твою победу? Иди помоги, поманил он обладателя толстого кошелька пальцем, поворачиваясь к звезде экрана спиной и принуждая повторить свой маневр Прекрасную Елену. Давайте все вместе, бери, что сможешь, шампанское, чай, пирожное – нагружал он ее, не давая

ей оглянуться на знаменитость, которая, надо думать, продолжала наслаждаться созерцанием прекрасного.

Обладатель толстого кошелька, с застывшим выражением похмыкивания на лице, снимая с буфетной стойки бокалы, блюда с чашками, тарелки, нося их к облюбованному Радом столику, делал все это абсолютно молча и, только когда уже сели, повозившись на стуле, чтобы устроиться, представился:

– Андроник. Имя такое. Уж извините.

– Ничего. Бывает, – милостиво простил ему Рад. – Мы с вами, можно сказать, одного помёта: Радислав.

– Радислав, Радислав, – размышляюще произнес их неожиданный сотрапезник. – Чех, что ли?

– Еврей, конечно, – сказал Рад, отнюдь не горя желанием углублять общение с этим случайным типом, у которого вдруг оказался кошелек, набитый дензнаками.

– Бросьте, бросьте, бросьте, – с видимым удовольствием заприговаривал, однако, их сотрапезник. – Чтобы еврей – и Радислав? Так не бывает.

– Бывает, – отрезал Рад.

Сотрапезник умерил свой пыл. Умолк – и с таким видом – словно улитка, тронутая пальцем, стремительно подобралась и исчезла в своем домике.

Но Прекрасная Елена столь же неожиданно принялась молоть с ним языком. Вдруг оживилась, заиграла голосом, заблестела глазами, нечто вроде воодушевления сошло на нее.

– А вы сидите в партере? Удивительно! – говорила она. – Как это вы умудрились пробраться в партер? Рад вон сумел только в амфитеатр достать.

– Рожденный летать – летает. Рожденному летать – место под солнцем, – отвечал ей их сотрапезник. Улитка, втянувшая свою усатую головку под защитный панцирь, не замедлила выбраться из раковины обратно наружу. – Прийти на Горовица и сидеть под потолком... Это моветон.

– Ну уж и моветон. Никакой не моветон, – с уязвленностью ответствовала Прекрасная Елена. – Вы значение слова «моветон» знаете?

– «Дурной вкус» вас устроит? – Улитка выбралась из раковины всем телом, обжилаась за столом и поглощала бутерброды с пирожными, запивая шампанским, с таким азартом, словно бы все это было куплено именно для нее.

– Нет, дурной вкус меня никак не устраивает. – Прекрасная Елена с удовольствием играла смыслами, расплескивая вокруг себя свое драгоценное содержимое. – Дурной вкус – привилегия плебса.

Рад был ни при чем за этим столом. Пустое место, фантом, невидимый призрак.

Ахеец, взявший неприступную Трою, возопил в Раде от праведного негодования.

– Предлагаю тост, – грубо пресекая треп Прекрасной Елены с обнаглевшей улиткой, вознес Рад над столом бокал с шампанским. – Выпьем за Гомера!

– При чем здесь Гомер? Гомер-то тут с какой стороны? – в голос спросили Прекрасная Елена с обнаглевшей улиткой.

– Гомер ходил в рубище и пел на площадях, – сказал Рад. – А его слушатели сидели перед ним в пыли на задницах.

– Веселенькая картинка! – воскликнул с иронией обладатель толстого кошелька, необыкновенного носа и необыкновенного имени.

– Это ты к чему? – вновь спросила Прекрасная Елена. – Что, мы теперь должны сидеть в пыли на задницах? За это выпить? Не буду я за такое пить!

Предчувствие неизбежной утраты овеяло Рада горечью полынного духа.

– Ну не пить же просто так, – примирительным тоном проговорил он. – Гомер, Горовиц. Не было бы Гомера – не было бы Горовица. За начало начал!

– За начало начал я согласна, – протянула к нему свой бокал Прекрасная Елена.

– Что ж, я не против, – присоединился к ним их сотрапезник, в бокале которого осталось уже на самом дне.

И все – на том звоне певучего бокального стекла с «Советским шампанским» покорение Трои, можно сказать, и кончилось. Навязчивый сотрапезник чуть погодя благополучно оставил их, растворившись в антрактной толпе, Рад с Прекрасной Еленой вернулись в свой амфитеатр, отсидели, вновь передавая друг другу бинокль, второе отделение, которое завершилось получасовыми рукоплесканиями заоке-

анской знаменитости, Рад доставил свою добычу к двери ее квартиры – и там она упорхнула от него; думалось, теперь на день-два, а вышло, что навсегда. Прекрасная Елена, подав ему надежду, снова заперлась в крепости, снова потянулись похожие один на другой бесконечные и бессмысленные телефонные разговоры, – и вдруг в нем словно бы села некая батарейка, заставлявшая набирать ее номер: в какой-то момент он обнаружил, что не звонил ей уже не день, не два, а много больше, и нет у него такого желания – звонить ей.

Правда, тому поспособствовала одна новая особа, неожиданно (или не слишком?) объявившаяся на его орбите и куда более расположенная к тому, чтобы крепостные ворота стояли гостеприимно открытыми. Может быть, этой новой особы и не появилось бы на его орбите, если бы Прекрасная Елена вновь не заперлась в крепости, но как бы то ни было, он увел свои войска от ее бастионов, дорога к тем стала стремительно зарастать травой, забываться, еще некоторое время – и Прекрасная Елена совсем исчезла из его жизни. Как ее и не было.

Прекрасная Елена исчезла из его жизни, знаменитый актер Миронов, влетевший в нее раскаленным пушечным ядром, чтобы отравить Раду удовольствием победного пира, тоже никогда больше в ней не возникал, а Дрон Цеховец несколько лет спустя возник в ней вновь.

– Да они же мигом оборвут вам яйца, – говорил круглолицый, крутощекий, похожий на хорошо надутый розовый мяч, упитанный человек лет тридцати пяти в массивных, тяжелых очках на переносице – такой классический тип из НИИ. – У них же инстинкт! Они не раздумывают. Все равно как сторожевые собаки. Чуть что – и зубами за яйца. Мигом вам оборвут!

– А почему это нам, а тебе нет? Почему это тебе нет? – отвечал ему такой же классический тип из НИИ, тоже в тяжеловесных очках с большими, фонарными стеклами, только, наоборот, сухопарый, с длинным щучьим лицом. – Что значит «нам»?

– А потому что я в этой аванюре участвовать не собираюсь! – жарко отвечивал круглолицый. – Делать нужно то, в чем есть смысл. Не пар славливать, а то, из чего будет толк. Из коллективного самоубийства никакого толка выйти не может.

– Вот и замечательно, так сразу надо было и говорить, что «я трушу»! – воскликнул тот, у которого было длинное щучье лицо. – «Боюсь, губа играет, поджилки трясутся»... А не прикрываться тут заботой об остальных!

Девушка в ярко-красном платке на обритой наголо голове, державшая в руках и мявшая между пальцами сигарету,

словно собиралась закурить, но все откладывала и откладывала, наставила на щучьелицого палец и затем поводила в воздухе перед собой рукой:

– Нельзя отрицать, Роман прав: любая организация, которая ими не санкционирована, – это для них преступление против государства. Статья семьдесят два Уголовного кодекса РСФСР. Наказание – от десяти лет лишения свободы вплоть до смертной казни.

– С конфискацией имущества! – подхватил круглолицый мяч, обрадованный поддержкой.

– Все это, господа, пустой разговор, – вмешалась в спор хозяйка квартиры. Это была крупная женщина слоновьего склада: слоновья фигура, толстые слоновьи ноги, мясистые, слоновьи черты лица. Тон, каким она говорила, был насмешливо-ироничен и безапелляционен. Она словно сообщала своим тоном, что все вокруг могут говорить что угодно, но истинное знание и понимание вещей – только у нее. – Они сдохли. Они уже ни на что не способны. Они импотенты, господа, импотенты! Дрочить, может быть, они еще могут, но это и все. Вдуть как следует – на это у них уже не встает. Не надо бояться, господа, не надо!

– А кто сказал, что боится? Кто сказал? Я сказал?! – воскликнул мяч. – Это вот кто сказал! – ткнул он рукой в щучьелицого.

– Вот только не надо тыкать! – ответно воскликнул щучьелицый. – Привычка прятаться за чужие спины! Пора бы

оставить такую привычку. Не те времена!

– Ах, господа, полно вам, нашли о чем препираться! – снова вмешалась хозяйка квартиры. – Даже если они еще на что-то способны, – это не имеет значения. Время дает нам шанс, и мы не имеем права упустить его! Мы не для того здесь собрались, чтобы обсуждать вопрос о степени опасности. Мы здесь для того, чтобы выработать устав и наметить программу действий. Программу действий, господа, программу действий!

И это невероятное обращение хозяйки квартиры – «господа», – и ее вольное обращение с такими словами, как «дрочить», и сам этот сбор в ее квартире, разговор об учреждении демократической партии, которая бы стала оппозицией партии коммунистической, – все было так невероятно, ошеломляюще, фантастично – у Рада морозно жгло темя и ломило от возбуждения зубы.

Он не был знаком ни с хозяйкой квартиры, ни с дискутирующими щучьелицым и человеком-мячом; вообще ни с кем из этих трех десятков людей, набившихся в единственную комнату квартиры истинно, как сельдь в бочку, не был знаком, – кроме того своего сокурсника, который привел его сюда. Стояли сегодня в факультетском коридоре, случайно сойдясь у доски расписаний, слово о том, слово о сем, вдруг почему-то попались на язык кооператоры, которых сначала благословили на жизнь, а потом стали давить, Рад, посмеиваясь, выдал анекдот о секретаре обкома и его бывшем под-

чиненном, подавшемся в кооператоры ковать деньгу, анекдот был довольно злой, секретарь обкома в нем представал долдон долдоном, и сокурсник, заходясь над анекдотом от хохота, неожиданно предложил: хочешь, пойдем вечером в одно место? А куда, а что там, а зачем, спрашивал Рад. Тебе будет интересно, заверил сокурсник.

Впрочем, если быть точным, к сокурснику следовало при-совокупить еще одно лицо: того обладателя толстого кошелька, что в консерваторском буфете разменял Раду Владимира Ильича с Водовзводной. Невозможно было не узнать его, с таким-то носом. Рад только никак не мог вспомнить его имени. Что до фамилии, ее Рад не вспоминал: фамилия тогда была ему еще неизвестна.

Следовало ли, однако, считать его знакомым? Рад решил, что совместное распитие шампанского в пятнадцатиминутной лакуне антракта – недостаточная причина считать друга знакомыми.

Но консерваторский сотрапезник, видимо, полагал иначе. В какой-то момент Рад поймал краем глаза, как тот целеустремленно продирается сквозь толпу, а спустя какое-то время консерваторский сотрапезник оказался рядом с ним.

– Что, тоже решил революцию делать? – по-свойски, словно похлопав по плечу, выдал он Раду поперед всего. И поздоровался: – Наше вам. Какими вас сюда судьбами?

– Да, наверное, такими же, как и вас, – с неохотой ответил Рад.

– М-да? – спросил консерваторский сотрапезник. – Едва ли. Кто-то позвал, да?

– Позвали, – подтвердил Рад. – А вас? Или вы из организаторов?

– Из организаторов? – переспросил консерваторский сотрапезник – так, словно Рад ужасно развеселил его своим вопросом. – Еще не хватало! Нет, я из наблюдателей. Знаете, есть такая работенка – «наблюдатель ООН». Вот вроде того.

– Ну так и я тогда вроде того, – сказал Рад.

– Наблюдатель ООН?

– Скорее, просто сторонний наблюдатель.

– А, понятно, понятно, – покивал его собеседник. – Что ж, тоже неплохо. Поучествуем в революции, да?

Рад смотрел на него с недоумением. Их разговор происходил вскоре, как сокурсник привел Рада в квартиру, привел – и тотчас оставил, бросившись жать руки и тому, и другому, и самой хозяйке, благожелательно потрепавшей его по плечу, общего обсуждения пока не начиналось, и Рад еще не понимал, на какое действие его занесло.

– А если не поучествуем? – спросил он. Его собеседник пожал плечами:

– Вольному воля. Принуждения, конечно, не будет.

Немного погодя их разнесло по разным концам комнаты, и Рад внутренне вернулся к тому своему решению, что принял, когда только узрел памятный нос: знакомое лицо – и не более того. Не знакомый. Знакомый – это тот, о котором зна-

ешь, кто он, что делает в жизни, а тут – ничего, даже имени не вспомнить.

И только подумал, что не вспомнить, как имя тотчас же всплыло в памяти: Андроник. Действительно редкое имя.

Было уже около девяти вечера, когда от разрозненных групповых разговоров перешли наконец к общему обсуждению того, из-за чего был устроен сбор. Минула полночь, закрылось метро, стукнуло два часа и потек третий, а ни устава, ни программы принять не удавалось. Зубы Раду уже не ломило, темя не жгло. Рот раздирало зевотой. Ему уже не было все это интересно. Аромат новизны и необычности, так круживший голову вначале, полностью выдохся, и пища, что предлагалась, без него потеряла всю остроту. Не хотел он ни в какую партию. Ни в ту, что властвовала семьдесят лет, ни в эту, что должна была стать ей оппозицией. Он хотел получить диплом, прорваться в аспирантуру, а дальше... дальше было бы видно. Его, в сущности, все устраивало в своей жизни. А если ты не в числе избранных, чтобы купить билет на Горовица, так билетов на Горовица всегда на кого-то не хватит. Обойдись не такой знаменитостью.

Рад поискал глазами сокурсника, с которым, как тот пошел пожимать руки, ни на мгновение больше не сходились. И не обнаружил его. Зато он обнаружил, что в комнате стало ощутимо просторнее. Народу убавилось, и изрядно. Рад понял, надо линять и ему.

Оказавшись в коридоре, прежде чем нырнуть в ночь, он

решил зайти в туалет. Дверь совмещенного с ванной комнатой туалета была заперта. Рад подергал ее, проверяя, точно ли внутри кто-то есть, и мужской голос оттуда ответил с недовольством:

– Минутку, минутку.

Когда после раздавшегося рыка воды дверь открылась, изнутри вышел консерваторский сотрапезник.

– Какая встреча! – сказал сотрапезник. – Не уходить намылились? А то я лично – да. Если тоже – подожду. Вдвоем веселее.

Вдвоем, учитывая время суток, действительно было бы веселее.

– Подождите, – сказал Рад.

Ночь распоряжалась улицей со свирепостью штурмовика, ворвавшегося в крепостные ворота. Февральский ветер резал лицо остро отточенным лезвием бронзового ахейского меча, по ногам мело снежным пеплом догорающей цитадели зимы, еще не сокрушенной, но уже обреченной.

Вся открывающаяся глазу перспектива улицы, что в ту, что в другую сторону, была пуста, ни души, кроме них, и ни одной машины на дороге. До метро «Профсоюзная» было пять минут ходу, но открытия метро пришлось бы ждать три с лишним часа.

– Э-эх, где мой белый «мерседес»!.. – поднимая воротник дубленки, выдохнул консерваторский сотрапезник на мотив песни Высоцкого «Где мой черный пистолет».

– На Большом Каретном, – невольно ответилось у Рада по тексту песни.

– Не совсем, но почти, почти, – согласился сотрапезник из мехового шалаша, устроенного вокруг лица. – На Столешниковом вообще, там обитаю. Дом, где «Меха», знаете? Угол Столешникова с Пушкинской.

Ого, где жил его сотрапезник. Рад как бы присвистнул про себя. Угол Столешникова с Пушкинской – это было пять минут пешком до Кремля.

– Знаю, где «Меха», – сказал он.

– А вы где обитаете? – спросил сотрапезник.

– О, – протянул Рад. – Далеко от ваших мест. Метро «Первомайская».

Он жил с родителями на Сиреневом бульваре, в хрущевской пятиэтажке, глядя отсюда, где они сейчас были с консерваторским сотрапезником, – на другом конце Москвы.

– И что, думаете, из этой глухомани – до вашей глухомани? – воскликнул консерваторский сотрапезник. – Кто вас повезет! Это если только за стольник, – проиграв голосом на «стольнике», отослал он Рада к их встрече в консерваторском буфете.

– За стольник! – откликнулся Рад с той интонацией, что означала: «Еще не хватало!» – Но не сидеть же там было дальше! – не удержался он от попытки оправдать свой легкомысленный уход из квартиры среди ночи.

– Конечно, нет, – отозвался его компаньон по ночной про-

гулке из уютного мехового шалаша дубленки. – Их там всех повяжут, кто остался. Не с минуты на минуту, так через полчаса. Ну через час, не дольше.

– Кто повяжет? – Рад остановился. Они шли по направлению к центру обочины дороги, чтобы проголосовать, если вдруг машина, и в нем, как если б он сам был машиной, словно вдруг нажали на тормоз. – ГБ, ты имеешь в виду?

Он не заметил, как перешел на сближающее «ты».

– Кто ж еще, – ответил его спутник, нетерпеливо перетаптываясь перед ним. – А ты что, не потому разве ушел?

Он тоже тотчас, и даже спедалировав это голосом, перешел на «ты».

– А ты потому? – спросил Рад.

– А что же мне, ждать, когда в дверь позвонят, а потом у них под мышкой проскакивать? Они под мышкой проскочить не дадут. Доказывай после, что не верблюд.

– А откуда ты знаешь, что из ГБ придут? – спросил Рад, трогаясь с места.

– Да от тамошних ребят и знаю, – обыденно произнес собеседник Рада. Словно водиться с ребятами из госбезопасности было то же самое, что ежедневно чистить зубы. Раз утром, раз вечером. По утрам и вечерам.

– И что, знал, что придут, а все равно потопал? – Рад услышал в своем голосе нечто вроде невольного восхищения.

– Да, а чего же, – отозвался его спутник с быстрым довольным смешком. – Ребята мне так и сказали: хочешь по-

слушать – сходи послушай. Только слиняй вовремя.

– Так и сказали?

– Так и сказали. А что, они же не звери. Им себе лишних хлопот тоже не нужно. Или полсотни вязать – та еще морока, – или человек двадцать. Разница же. Кто утек – пусть утекает, а кто не спрятался – я не виноват.

Разговор становился с каждым шагом интересней и интересней. Рад отправился на эту квартиру, честно можно сказать, из чистого любопытства и не имея понятия, что встреча под колпаком у госбезопасности, а человек – все зная, рискуя, знал – и пошел.

– А зачем ты хотел послушать? – спросил он своего спутника.

– Почему нет, – ответил тот – все с тем же быстрым довольным смешком. – Кто знает, как все развернется. Вдруг они и в самом деле к власти прорвутся? С будущей властью хорошо заводить дружбу, когда она еще не власть, а так, сырая глина. Потом затвердеет – лоб расшибешь, а внутрь уже не прорвешься.

Ударом беспощадного ахейского меча порыв ветра снес с Рада шапку, он поймал ее на излете и водрузил обратно на голову. Темя оплеснуло волной холода, но Раду и без того его морозно жгло – как тогда, в самом начале дискуссии в оставленной ими квартире. Никогда в жизни он не думал о тех вещах, о которых говорил его собеседник. Даже близко не подходил к таким мыслям.

– Тебя что, послал кто-то? – спросил он.

– Зачем послал? – В голосе его спутника прозвучало нечто вроде досады, что о нем могли так подумать. – Я сам. Твоя судьба – в твоих руках. Хотя, конечно, узнал бы папаша, куда я поперся, он бы меня танком остановил. Они же уверены, их партия – монолит, тысячу лет у руля простоит.

– Кто «они»?

– Папаши наши. Их поколение.

Мгновение Рад не знал, как среагировать. Его отец не был партийным. Потом он спросил:

– А кто у тебя отец?

Теперь замялся с ответом его спутник.

– Папаша-то? – Ему откровенно не хотелось отвечать на этот вопрос. – Да вообще папаша ничего мужик. Вполне ничего. – И перевел стрелку: – А ты, значит, просто так ушел? Завял, что ли?

– Завял. – Рад не стал настаивать на его ответе. – Уж пardon! Надо бы только вернуться, предупредить, чтоб расхотелись. – Он снова остановился.

– Ну?! – с интонацией сообщника воскликнул его спутник. – Придешь – а там как раз и приехали. Пофартило унести ноги – уноси. – Он взял Рада под руку и повлек по дороге дальше. – Ты за них не волнуйся, не те времена, чтоб на Соловки ссылать. А получится у них – хрен у них что получится! Не сварят каши – голову даю на отсечение.

Они шли так, разговаривая, минут пятнадцать, когда на-

конец на дороге объявила о себе звуком мотора машина. Она ехала в сторону центра, мчала, выжимая километров сто двадцать, но их размахивания руками, их прыжки на середину дороги заставили водителя затормозить и остановиться.

Везти водитель согласился только до Столешникова.

– Сиреневый бульвар? – как выругался он, когда Рад назвал свой адрес. – За стольник не повезу!

Позднее Раду придет в голову мысль, что самая большая купюра той поры, постоянное присутствие которой в кармане символизировало, можно сказать, жизненный успех, с самого начала знакомства с Дроном Цеховцем сопровождала их отношения неким осеняющим знаком.

– Нет, стольника, конечно, дать не могу, нет у меня столько, но от Столешникова до Сиеневого – плюс два червонца, очень приличные деньги, – склонившись к приоткрытому оконцу, попытался Рад уломать водителя.

– И за два стольника не повезу! – отказал водитель.

– Ладно, шеф, дуй до Столешникова, – сказал спутник Рада, подталкивая Рада к задней дверце, сам открывая переднюю. – Не хочешь быть богатым, будь честным.

– Чего это мне – не богатым, а честным? – Водитель обиделся.

– Да это приговорка такая, – плюхаясь на сиденье, со смешком успокоил его спутник Рада. – Ко мне поедем, перекантуешься у меня до метро, – повернулся он к Раду назад.

Квартира, в которую они вошли четверть часа спустя, ка-

залось, не имела пределов. Потолки, казалось, возносились над головой на высоту, недоступную сознанию и глазу, – хрустальная люстра в комнате, где сидели, коротая время до открытия метро, светила своим электрическим светом чуть ли не с самого неба. Пили маленькими глотками обжигающий нёбо «Beefeater» из литровой квадратной бутылки, крепчайший, головокружительно ароматный бразильский кофе со вкусом миндаля, курили кубинские сигары, обрезая концы специальным хромированно блестящим ножичком, – все невиданное тогда, невероятное, словно чудесным образом перенесся в некий иной мир, живущий совсем по другим законам.

С этой ночи случайный консерваторский сотрапезник Рада обрел для него имя.

Дрон Цеховец учился в Институте военных переводчиков. Был уже на последнем курсе, имел право жить дома, ходить в гражданском.

– Не дурно было бы, да, если бы из ГБ пришли – и меня захомутали? – посмеиваясь, говорил он между неглубокими сигарными затяжками. – Полетел бы из института быстрой ласточкой. И в армию, срочную тянуть. Я же при погонах. А офицерские еще не заработал.

– Изрядно, однако, ты рисковал! – искренне восхитился Рад.

– Делай все что угодно, главное, не попадайся, – вынимая сигару изо рта и выпуская дым углом губ, изрек Дрон.

После окончания института он и сам собирался идти в госбезопасность, в управление, занимавшееся внешней разведкой, и ездить по заграницам туристом.

Рад усомнился, что работа в таком управлении будет заключаться в туристических путешествиях.

– Конечно, нет, – серьезно сказал Дрон. – Приехал – отчет надо нарисовать. А едешь – побольше информации собрать.

– Да сколько там можно туристом собрать информации, – Раду никак не верилось, что Дрон не понтырит.

– Не знал бы, не говорил, – с некоторой обидой в голосе отозвался Дрон. – У меня у товарища отец – всю Европу на машине объездил. Индивидуальный автомобильный туризм. Шмотья, техники всякой натащил – пропасть.

– А почему ты уверен, что будешь именно туристом ездить? – спросил Рад. – Человек предполагает, а бог располагает.

– С богом уже договорились. – Дрон сидел в кресле, забросив ногу на ногу – щиколоткой на колено, – вся его поза выражала сибаритское наслаждение проживаемым сейчас моментом жизни.

Рад вспомнил, что на улице, когда спросил об отце, Дрон уклонился от ответа.

– А кто у тебя отец? – снова поинтересовался он. Теперь Дрон ответил. Они сидели у него дома, пили джин и кофе, курили сигары, их отношения совершили скачок, перейдя в

новое качество, и теперь можно было ответить, – так, вспоминая ту ночь, заключил Рад позднее.

Отец Дрона был заместителем министра одного из республиканских министерств. Не Эверест, но пик Коммунизма, семь тысяч четыреста девяносто пять метров над уровнем моря – такая высота. Глядеть снизу – отвалится голова.

– А ты что? Работаешь где-то? Учишься? – спросил Дрон.

Мехмат МГУ – ни разу еще не бывало, чтобы, называя свой факультет, Раду пришлось испытывать чувство неловкости и смущения.

– А, в НИИ куда-нибудь пойдешь париться, – небрежно откомментировал его признание Дрон.

– Почему непременно в НИИ? – уязвлено произнес Рад. – В аспирантуру, может быть. Очень даже может быть.

– А потом, значит, студентам «а квадрат плюс б квадрат» объяснять, – продолжил свой комментарий Дрон. – И что, интересно?

– Ну, не «а квадрат плюс б квадрат», кое-что посложнее, – попробовал защититься Рад.

– Это понятно, что посложнее, это понятно. – Дрон запил сигарную затяжку глотком джина, глотком кофе из фиолетовой узкой, похожей на перевернутый конус чашки. – Но все равно тоска, согласишься. Не тоска, нет?

– Нет, не тоска, – мгновенно ответил Рад, ощутив себя фехтовальщиком, отбивающим грозный выпад противника.

– Ну да, каждому свое, – отступил Дрон – как опуская

шпагу. И вскричал, наставив на Рада указательный палец: – Было написано над воротами Освенцима! Каждому свое – Jedem das Seine!

Так за джином, кофе и сигарами они досиделись не до открытия метро, а до рассвета, до часа, когда и тому, и другому подошла пора двигать в свои альма матер – каждому в свою. И уже Рад, разговаривая с Дроном, без всякой неловкости смотрел ему в лицо, чего еще не мог делать, встретившись с ним в той квартире на «Профсоюзной»: его необыкновенный нос с набалдашником так и притягивал к себе взгляд, все время вместо того, чтобы в глаза, смотрел на него, и казалось, Дрон это замечает, и ему неприятно. И уже было ощущение, что знакомы нещадно давно, целую пропасть лет, необходимы друг другу и теперь так и поведется: будут перезваниваться и видеться.

Со словами об этом – надо бы почаще встречаться, может, даже – ха-ха! – сгонять вместе на какого-нибудь очередного Горовица в Консерваторию – и распрощались, спустившись в метро, на платформе станции «Проспект Маркса», что спустя несколько лет станет «Охотным рядом».

И так сначала и было: перезванивались и даже встретились раз – Рад хотел прочитать «Окаянные дни» Бунина, вышедшие тогда впервые в «Советском писателе», и у Дрона они, разумеется, были. Встречались они уже весной, в мае, после праздника Победы, жизнь у обоих неслась вскачь, вырывала поводья из рук – защита диплома, госэкзамены, рас-

пределение, рекомендация в аспирантуру, возьмут, не возьмут, – а после августа вообще понесла – непонятно, как удержаться в седле. Какую-то пору Рад вспоминал о Бунине, взял и не отдал, как некрасиво, надо бы позвонить, договориться о новой встрече, но ни разу не позвонил, а потом уже и не думал ни о чем таком, забыл о книге – и с концами.

Дрон ему тоже не звонил. Вспоминая иногда о нем, Рад прежде всего это и отмечал: не звонит. Что было родом оправдания собственной пассивности. Впрочем, если бы Дрон позвонил, Рад удивился бы его звонку. Ничего их не связывало, кроме той ночи. А она никак не продлилась в их жизни. Не дала корней. Зерно, упавшее на каменистую почву, истлевает, не принеся плода. Наверное, если бы все же вдруг позвонил Дрону, тот был бы удивлен точно так же, как удивился бы его звонку Рад.

Глава вторая

Часы на стене напротив окна показывали половину девятого.

Рад повернул голову к окну. За окном еще было темно. Хотя, несомненно, скоро начнет светать. Даже и в декабре половина девятого утра – это время, когда рассвет топчется на пороге. Еще какие-то полтора месяца назад в половине девятого он уже целые полчаса был у себя в фитнес-клубе – в костюме, свежей сорочке, хранящей на своих бритвенных складках жар утюга, при галстукe: в середине дня хозяин может позволить себе отлучиться и на час, и на два, и на три, но к открытию он должен быть на месте как штык – даже если желающих заняться своим боди не будет еще ни души.

Вставайте, граф, рассвет уже полощется, прозвучало в Раде приветом из юности, когда так – ну, не вельможным графом, но кем-то вольным, никому и ничем не обязанным – себя и чувствовал, и слова этой незатейливой песенки отдавали не иронией, а реальным обещанием судьбы, не омраченной никакими неудачами. Он сбросил с себя одеяло и сел на кровати, сосупив на пол. Покрытый бесцветным шведским лаком дубовый паркет обжег ноги остервенелым холодом. Несколько секунд босыми ногами на этом лаковом льду – и от сонной хмари в голове ничего не осталось.

Теперь о ночи напоминал в комнате только овал желтова-

того света, отбрасываемый на потолок раструбом торшера. С тех пор, как вся его прежняя жизнь рухнула и он оказался в этом неизвестном ему раньше поселке со странным названием Семхоз, Рад почему-то не мог спать без света. Что это было? Боязнь чего? Или не боязнь, а так, бзик, нечто вроде световой клаустрофобии?

Рад встал, сделал несколько шагов до торшера, ударом пятки по круглой напольной кнопке погасил его и, прошлепав в рухнувшем сумраке до выключателя на стене, щелкнул им. Под потолком грянула люстра, испуганный сумрак прыгнул в углы. День начался.

Одевшись, Рад первым делом обошел дом. Дом был большой – пять комнат на втором этаже, четыре на первом, кухня, холлы, коридоры, туалетная и ванная комнаты внизу, туалетная и ванная наверху, и еще сауна с бассейном, и еще подвал... Обход – с открыванием дверей, зажиганием света, осмотром окон – занимал без малого четверть часа. Если бы это был его дом, Рад никогда в жизни не поднял бы себя на такой подвиг. Но так как это был чужой дом, так как утренний обход был вменен ему в обязанность, был условием его жизни здесь, чем-то вроде работы, то этот ежедневный подвиг оказался ему по плечу, и он получал от своих действий даже удовольствие.

В подвале, наверное неистребимо, пахнувшем сухой цементной пылью, Рад привычно прострекотал храпчаткой регулятора температуры на бело-эмалированном коробе АГВ,

добавив воде в батареях несколько градусов. Ночью он любил, чтобы в доме было прохладнее, днем – теплее.

Утренней гимнастике с отжиманием от пола, с качанием пресса, с культуристскими упражнениями для бицепсов он отдал минут сорок – сколько никогда не мог найти для этого дела в своей прежней жизни. Даже и тогда, когда был владельцем фитнес-клуба. Дымящаяся паром вода из лебедино изогнутого рожка зеркально-никелированного итальянского душа била тугими секущими струями. Теперь напор был что надо все время: не только ночью, но и утром, и днем, и вечером. В октябре, когда Рад начал жить здесь, днем вода текла свивающейся с рожка, похожей на блестящую бечеву струйкой. В октябре по окрестным домам еще было полно дачников, они жгли в садах дымные костры из листьев и с рассвета до заката поливали на зиму плодовые деревья из брошенных на землю гофрированных шлангов, перетаскивая те с места на место. Теперь никто ничего не жег, не поливал, вокруг была тишина, безлюдье и прочный белый покров на земле, несмотря всего лишь на самое начало первого зимнего месяца.

Завтрак у Рада все это время, что жил здесь, был неизменен: яичница из трех яиц – желательно, чтобы желтки не растеклись и получилась глазунья, – три тоста из «Бородинского» хлеба, два с ветчиной, один с сыром, и большая чашка кофе. Кофе он пил натуральный, делая его в «ленивой» немецкой кофеварке с поршнем, отжимающим гущу ко дну,

а за «Бородинским» специально ездил в ближайший город со знаменитым монастырем, выдержавшим осаду поляков в 1612 году, в обнаруженный им магазинчик неподалеку от железнодорожного переезда, где торговали хлебом из монастырской пекарни. Кофе в ленивой немецкой кофеварке получался вполне сносный, «Бородинский» из монастырской пекарни был просто отменный и даже в полиэтиленовом пакете хранился целые полторы недели.

Пить кофе Рад переместился с кухни к себе в комнату, с кухней соседствовавшей. Он в ней и спал, и проводил день. Вообще ему хотелось бы обитать на втором этаже, оттуда открывался широкий обзор, видно далеко вокруг, отчего временами возникало пусть и обманное, но желанное чувство приподнятости не только над землей, а и над самой жизнью. Однако хозяину дома, в свою очередь, хотелось, чтобы он обитал на первом этаже, что позволило бы ему с наибольшей эффективностью справлять обязанности дачного сторожа, и пришлось облюбовать комнату из того выбора, что был предложен.

Мобильный зазвонил, когда Рад, прихлебывая из чашки, подключился к сети и начал получать почту. Он был подписан на три десятка рассылок, и, пока компьютер получал их, могло пройти и десять, и пятнадцать минут, и все это время телефонная линия была бы занята. А скорее всего, была бы занята и дальше: взяв почту, он бы отчалил от причала и отправился по Великому и Тихому океану Интернета в пла-

ванье сродни кругосветному. Чем еще было ему заниматься здесь?

– Привет, – сказал голос хозяина дома в трубке. – Опять с утра пораньше флибустьерский флаг на мачте?

– Да уж какое утро, – отозвался Рад, взглядывая в окно. Люстра под потолком по-прежнему была включена, но надобность в ее свете уже отпала: на улице был совсем день, выпавший вчера пушистый снег играл под солнцем блестками сусального золота.

– Ну, не знаю, когда у тебя утро, когда день, – родом шутки с ворчливостью произнес хозяин дома. И спросил – то, что его реально интересовало: – Как у тебя? Все в порядке?

– Все в порядке, граница на замке, и я, видишь, тоже жив, – сказал Рад.

– Вижу, вижу, – сказал хозяин дома. – С утра пораньше флибустьерский флаг на мачте. Снег там вчера валил, хороший такой снегопад... ты как, устоял?

– Почистил, почистил, – проговорил Рад. – Танцевать можно во дворе. Разве что холодновато.

– Ну, если холодновато, ты добавь там в подвале градусов, – проявил о нем заботу хозяин дома. – В подвал спускался, проверял, нормально АГВ работает?

– Спускался, проверял, все нормально, – коротко на этот раз ответил Рад.

– Точно, да? – лапидарность ответа Рада не удовлетворила хозяина дома.

– Точно, точно, – подтвердил Рад.

Такой разговор, видоизменяясь лишь в зависимости от типа погоды на дворе, происходил у них каждый день. Иногда и дважды в день. Утром вот в это время, когда хозяин дома прибывал в свой служебный кабинет, и вечером – перед тем, как ему переместить себя из вертикального положения в горизонтальное. Разговор входил неизбежной составной частью в условия его пребывания здесь, Рад это более чем понимал и никоим образом не оспаривал, но все же своей непрременной обязательностью он угнетал Рада.

– Вечерком сегодня нарушу твое одиночество, – сказал хозяин дома. – Как, не против?

Как будто от Рада зависело, разрешить хозяину дома приезд или нет.

– В большом составе? – опытно спросил Рад.

– В нормальном. – В голосе хозяина дома прозвучало удовлетворение своим ответом. – Человек семь-восемь. Полине потусоваться с какими-то ее людьми нужно.

Полина была жена хозяина дома. И если он называл цифру «семь-восемь», это могло быть и десять, и пятнадцать. Так говорил Раду прежний опыт. Жена хозяина дома занималась в жизни тем, что брала уроки живописи и тусовалась с людьми искусства. Непредсказуемость об руку с необязательностью были любимыми сестрами ее таланта.

– Напомни ей только не представлять меня никому, – попросил Рад хозяина дома.

– Обязательно напомню, – сказал хозяин дома. – Все, отбой. До вечера.

– До вечера, – сказал Рад в трубку и, бросив ее на стол, ругнулся в пространство перед собой: – Вашу мать!

Ему не хотелось никого видеть. Всякое вторжение в эту его подпольную жизнь кого-то со стороны нарушало в нем то неустойчивое равновесие, в котором он заставлял себя находиться. Он напоминал сам себе хрупкий хрустальный шар, неведомо как подвешенный в воздухе, малейшего движения воздуха достаточно, чтобы шару начать колебаться, и этого ничтожного колебания могло вполне хватить, чтобы шар грохнулся оземь и разлетелся вдребезги.

Между тем почтовая программа, пока он трепался по мобильному, честно выполнила свои обязанности, приняла все послания, поступившие на его адрес, и внизу экрана выскочила строка отчета: соединение завершено, получено столько-то писем. Рад прокатил бегунок окна с информацией о почте сверху донизу – вся почта была рассылки. Ничего другого и не могло быть: он ни с кем не переписывался. Наверное, на прежний адрес ему писали, и его ящик там был переполнен, иногда подмывало сделать настройку и хотя бы получить почту, посмотреть, что пришло, – любопытства ради, но Рад тут же и гасил возникавшее желание. Это было слишком опасно – засвечивать теперешний телефонный номер в своей прежней жизни...

Сообщение, полученное от хозяина дома, выбило, однако,

его из колеи. Настроение заниматься изучением пришедших рассылок пропало. Рад резко процелкал по кнопкам с символом креста, схлапывая окна, и выключил компьютер.

Улица, когда он вышел на крыльцо, встретила его таким ликованием света, снега и морозной свежести, что, наверное, с минуту он стоял, не в силах стронуть себя с места. Нужно было привыкнуть к этой оглушительной гремучей смеси, адаптироваться к ней, – все равно как от жаберного дыхания перейти к легочному.

До города с монастырем, выдержавшим осаду поляков без малого четыре века назад, выйдя на шоссейную дорогу, пересекавшую поселок на две половины, словно нож буханку хлеба, было не более десятка минут езды. Автобусы, те ходили редко, но частный извоз в виде «Газелей», оборудованных под маршрутные такси, алкал денег, словно пушкинский скупой рыцарь, маршрутки сигналят мимо остановок с частотой кинокадров, и через полчаса, как вышел из дома, Рад уже выходил в городе на остановке неподалеку от окраинного магазинчика рядом с железнодорожным переездом. Запас «Бородинского» заканчивался, и пора было обновить его. «Бородинского» могло не быть – расписание его привоза мирским умом было непостижимо, – но нынче он угодил прямо к свежедоставленным лоткам – буханки были еще теплые.

Он купил сразу четыре буханки – сколько влезло в его небольшую черную сумку из двух отделений, провжикал молниями, забросил сумку на плечо и вышел из магазина.

Улица называлась проспект Красной Армии и разваливала город напополам подобно тому, как рассекало поселок, где он жил, на две части проходившее через него шоссе. По проспекту то в одну, то в другую сторону профукивали стремительные «Газели» с номерами автобусных маршрутов на лобовом стекле, еще несколько минут – и можно оказаться в самом центре у монастыря, но Рад пошел пешком.

Он шел и смотрел по сторонам. Зима еще не навалила сугробов, еще обочины дороги и тротуаров не обросли снеговыми валами, и белое пространство вокруг светилось безгрешной, младенческой невинностью. Целью его был телефонный переговорный пункт у подножия монастырского холма. Можно было позвонить и с почты, что находилась совсем рядом с тем магазином, где он покупал «Бородинский» – наискосок на другой стороне проспекта, – но он всегда ходил звонить туда, к подножию монастыря. И всегда пешком. Если позвонить с почты, поездка сразу исчерпывала себя. А так, с проходом через полгорода, она словно бы наполнялась значением и смыслом. Обретала содержание. Объемное всегда значительно больше того, что мало по размерам.

Просторный зал переговорного пункта, весь в сотах узких деревянных кабинок со стеклянными дверьми, был арктически пустынен. Лишь в одной из кабинок с крупными надписями на стекле «Москва» впаянной в мед пчелкой виднелась фигура молодой женщины в серой дубленке.

Рад прошел к кабинке со словом «Москва», что была са-

мой дальней от той, где стояла пчелка в дубленке. Вошел внутрь, наглухо закрыл за собой дверь, расстегнул куртку, извлек из кошелька магнитную карточку, снял с рычага трубку, вставил карточку в прорезь. Мать у себя дома сняла трубку после первого же гудка, словно сидела около телефона и ждала звонка.

– Алле! Алле! – произнес ее голос.

Голос у нее был тревожный, вибрирующий, будто натянутая на разрыв струна, – может быть, она и в самом деле сидела у телефона. Или, скорее, таскала его с собой, куда б ни пошла.

– Это я, мам, – сказал Рад. И быстро, чтобы не выслушивать упреков, что давно не давал о себе знать, добавил: – Я о'кей, у меня все нормально.

Маневр его, однако, успехом не увенчался.

– Ой, ну вот слава Богу, ну наконец! – зазвучало в трубке. – Что, неужели у тебя никакой возможности звонить чаще? Я уже не знаю, что думать, я уже себе Бог знает что представляю!

– Не надо ничего себе представлять, – сказал Рад. – Я тебе объяснял, объясняю еще раз: если со мной что случится, тебе позвонят. Никто не звонит, и я в том числе, – значит, все хорошо, у меня все нормально.

– Да, нормально! А ждать мне: зазвонит этот проклятый телефон, не зазвонит, трястись все время – это мне легко, да?

– Так, мам, я тебе все сказал! – Рад отнял трубку от уха,

постоял так, не слыша, что отвечает мать – прием, выработанный, чтоб не сорваться, – и снова поднес трубку к уху. Мать там все говорила – не имея понятия, что ее слова были выброшены на ветер. – Я жив-здоров, у меня все нормально. Что ты? – прервал он ее.

Несколько долгих секунд в трубке длилось молчание.

– Я тоже, слава Богу, жива-здорова, – сказала потом мать. – Вот только это ожидание... Я пью валокордин ведрами. Ты можешь хотя бы сказать, где ты?

Рад не сдержался.

– Опять двадцать пять! – воскликнул он. – Я в безопасности, не волнуйся! Потому и не говорю тебе где – для безопасности! Все, пока!

Он бросил трубку на рычаг, не дождавшись ответных слов прощания. Трубка впечаталась в свое гнездо со звучным хрюком и хрюпом – будто провопила от боли.

В тот же миг ему стало стыдно. Бедная трубка! Бедная его мать!

С минуту, наверное, он стоял, тупо глядя в каре кнопок на светло-синем корпусе таксофона перед собой, перемогая это чувство вины. Отец умер три года назад, он был их единственным ребенком, ох и одиноко же было матери на старости лет в бетонной пятидесятиметровой коробке на метро «Первомайская», ох и больно за него! Свинья. Не мог быть с нею терпеливей и снисходительней.

Возможно, матери можно было бы звонить и с мобильно-

го, не мучить ее неизвестностью от одного его посещения переговорного пункта до другого, но Рад не был уверен, что это достаточно безопасно. Он опасался, что ее телефон может прослушиваться. И если телефон матери в самом деле прослушивался, определить местоположение телефона, с которого он звонил, было совсем просто. Однако он все же не пасся у этого таксофона на привязи, а мобильный всегда был с ним, поселок – не город, и найти его в поселке при должном желании уже не составило бы большого труда.

Когда он наконец открыл дверь и выступил из кабинки наружу, из своего таксофонного уединения как раз выходила и пчелка в дубленке. Рад невольно обежал ее взглядом. Повернув голову, она тоже взглянула на него. Нет, никакого призыва в ее взгляде он не уловил, но интерес, несомненно, был. Вообще у него никогда не возникало особых сложностей с тем, чтобы понравиться, – это у него получалось само собой. Это потому что ты похож на Грегори Пека, сказал ему однажды школьный приятель после очередной победы Рада на танцевальном вечере в соседней школе. Потом, специально посмотрев в кинотеатре Повторного фильма у Никитских ворот «Римские каникулы» с Одри Хэпбёрн и Грегори Пекком в главных ролях, стоя перед зеркалом дома, он всматривался в свое лицо – похож? – но если и был похож, понять это было невозможно, и осталось только поверить тому своему приятелю, потерпевшему на вечере сокрушительное фиаско.

Инстинктивно, заметив в пчелке к себе интерес, Рад было

метнулся за ней, но тут же придержал шаг и начал спускаться по длинной лестнице, что вела из переговорного пункта на улицу, лишь тогда, когда внизу, плеснув лоскутом света, открылась и закрылась дверь. Нет, он не хотел никакого меда. Никакого и ни от кого. Если бы только само собой, в чистом виде, ложка в рот – и наслаждайся вкусом. А так, чтобы добыть этот мед, добраться до него, распечатать леток – нет, не было в нем куража.

Пчелка в дубленке, когда вышел на крыльцо, уже улетела от того шагов на двадцать, не меньше. Дверь за Радом шумно захлопнулась, девушка оглянулась – похоже, она была все же не против его внимания, – но Рад уклонился от встречи с ее взглядом и не ускорил шага. Лети, пчелка, неси свой мед в улей, что окажется надежней этого.

Его улей был разорен. Сожжен дотла, иначе не скажешь.

Он не понимал и сейчас, как получилось, что у него набралось едва не четверть миллиона долларов долга. Он не занимал столько. Ему просто не нужно было таких кредитов. Вероятней всего, его подставила бухгалтерша. Стакнулась с бандитами, что качались у него в клубе, подделала документы. Или не стакнулась, а запугали. Для него, впрочем, никакой разницы: стакнулась или запугали; важен результат. Красивая двадцатипятилетняя телка с красивыми каштановыми волосами, ждавшая от хозяина посягновения на свою красоту.

Нужно, наверное, было и посягнуть. Тогда она хотя бы

предупредила, с чем на нее наседают эти качки с наголо остриженными калганами. «Кайф заведение, оттянулись – душа соловьем свищет, – говорили калганы, выходя после занятий из душа и влив в себя для восполнения потерянной жидкости в клубном буфете по паре бутылок пива. И, похотывая, шутили: – Надо будет у тебя его забрать, оформить в свою собственность». Это он так думал, что шутили. Оказывается, нет, не шутили.

О тех восьми часах, что провел под дулами двух «калашниковых», Рад не вспоминал. Сработали некие защитные механизмы психики – и восемь часов под «калашниковыми» словно бы обволоклись туманом. Правда, освободить память от сознания того, что фитнес-клуба у него больше нет и тот теперь принадлежит не ему, было невозможно.

Он подписал вконец концов все. Все бумаги, которыми трясли у него перед носом. «Ставь подпись, чмо! Бери ручку, прикладывайся! Прикладывайся, говорят! Сколько человека можно мучить? Извелся человек, к детям человеку нужно!» – блажили на него его вчерашние клиенты, вода перед глазами пальцами, растопыренными «козой», и тыча автоматным дулом под ребра.

«Человек» был нотариусом – суровой усатой армянкой с хриплым мужским голосом, словно бы навек простуженным на кавказских ветрах. Она терпеливо сидела на стуле за дверью его кабинетика в тренажерном зале, но время от времени дверь открывалась, и ее пугающе-мужской голос спраши-

вал: «Я еще не нужна?»»

Под бумагой, что сверх отданного в уплату за долги фитнес-клуба должен этим калганам еще сто тысяч долларов, он тоже подписался. При выборе «кошелек или жизнь» не остается ничего иного, как отдать одно, нежели лишиться и того, и другого.

Из-за этих ста тысяч он и сидел теперь в подполье на чужой даче, не решаясь высунуть носа. Он не мог удовлетворить аппетитов своих бывших клиентов. Сто тысяч долларов. Это были для него страшные деньги. Даже и тогда, когда работал в банке, ворочал миллионами, – хотя, конечно, и не своими. А после банка и подавно.

С банком в начале 1994 года ему выпал феноменальный фарт. Того рода, который можешь по-настоящему оценить только задним числом, когда этот фарт оставит тебя. У него тогда только-только родилась дочь, только-только начали вывозить ее на прогулки в коляске, и жена на одной из таких прогулок познакомилась с другой молодой мамашей. И эта другая молодая мамаша оказалась дочерью одного из директоров банка, чье название в то время не слышали только младенцы. Тогда, в 1994, еще не было таких загородных особняков вроде того, в котором жил сейчас сам Рад, еще по Москве не поднялись кованые чугунные заборы вокруг дорогих домов, отделившие их от остального города, все еще было вперемишку, и можно было вот так на улице познакомиться с дочерью банкира. «Закончил мехмат? – переспросила дочь

банкира. И воскликнула: – Папе очень нужны математические мозги! Он даже меня спрашивал: нет ли у меня знакомых».

До банка у Рада были два года, от которых у него осталось чувство, будто он попал в гигантскую ступу, и такой же гигантский тяжелый пест неостановимо и беспощадно толк его там. В аспирантуру удалось только поступить, закончить ее – это уже оказалось не судьба. 1992 год взошел над освобожденной от коммунистического ига страной таким огненным солнцем, что под его палящими лучами все полыхнуло. За те два года до банка Рад переменял столько работ, что позднее, принимаясь при случае подсчитывать их, какую-нибудь одну-две непременно забывал. Сначала он пошел учителем в школу, но на деньги, что там платили, можно было позволить себе только чай с хлебом, без сахара и без масла. Пару месяцев, вспомнив услышанные в университете легенды о самом достойном занятии интеллигента в трудные времена, Рад промахал лопатой в работавшей на угле допотопной котельной, не обнаружив в занятии кочегара ничего, отягощенного высоким смыслом, в том числе и смысла кормиться этим занятием. Потом он, будто по цепочке, переходил из одной компьютерной компании, что начали возникать истинно как грибы после дождя, в другую, освоив профессию пишущего программиста, что для него не составило никакого труда, но компании все до одной, словно по заказу, разорялись, не было случая, чтобы какая-то из них выпол-

нила финансовые обязательства, что брала перед своими сотрудниками. Грузчик в магазине, продавец книг с лотка – это Рад прошел тоже. Он даже попробовал себя в качестве квартирного маклера, как тогда еще по-старому называли риэлтеров, но тоже ничего не заработал. Правда, потому что произошло то самое знакомство жены с дочерью банкира, спустя какие-нибудь три дня после их уличного трепка под младенческую блажбу из колясок направленный банком на учебу в некую финансовую школу, Рад уже постигал премудрости банковского искусства.

Имелся, конечно, еще вариант заграницы, то и дело до Рада докатывались слухи, что один из их группы нашел работу программистом в Америке, другой с потока также программистом в Австралии, третий с факультета в Канаде. Кто оказался евреем, все сыпанули в Германию, где по специальному закону, принятому парламентом во искупление вины гитлеровской поры, евреям давали жилье, учили бесплатно немецкому языку, платили, пока не нашел работу, внушительное пособие. И Рад в какой-то момент тоже стал подумывать о работе за рубежом, начал искать контакты с заграничными работодателями, но все та же жена и воспротивилась: «Да, ты гастарбайтером, а я здесь? У тебя там романы, а я тут с ребенком нянчусь?!» Это была пора, когда уже точно было известно, что она беременна, и Рад пришлось забыть свои мысли о загранице. Как там вышло бы с заграницей, удалось бы взять ее с собой, нет. Он не чувствовал себя

вправе оставлять ее здесь одну.

Жена не дала уехать за границу, жена устроила его на работу в банк, и она же перелицевала всю их жизнь после дефолта 1998 года, когда банк Рада рухнул. Что из того, что банк оказался мыльным пузырем, накачаным виртуальными деньгами. Рухнувши, он придавил своими мыльными обломками и вкладчиков, и сотрудников, как бетонными плитами, предоставив каждому выбираться из-под них самостоятельно. Задним числом Рад осознал, что был тогда почти невменяем и тем спровоцировал ее уход от него, но любовника она завела себе не тогда, когда он, оказавшись под обломками, сутками лежал на диване, вставая с того лишь за тем, чтобы дотащить себя до туалета. Тогда она просто легализовала этого любовника. Был любовником, стал человеком, на которого можно опереться. Укрыться за ним, как за волнорезной стеной в гавани. Это было выражение самой жены, когда она оставляла Рада гнить на диване. Выросши в семье моряка, жена имела привязанность к таким выражениям. «Гнить на диване» – это тоже были ее слова.

Кто знает, может быть, он не сгнил именно потому, что был оставлен ею сгнивать. Одиночество, оказывается, не стимулирует процесс разложения.

Единственное – тогда, выбравшись из-под накрывших его руин, Рад полагал, что самое страшное у него позади. Конечно, фитнес-клуб – это было совсем не то, чем бы ему хотелось заниматься в жизни. Как говорится, о том ли мечтал. Но

уж какой бизнес удалось выстроить, тот и удался. Выбирать не приходилось. Что шло в руки, то и пришлось взять.

Пчелка в серой дубленке, поворачивая за угол красного кирпичного здания, в котором располагался переговорный пункт, оглянулась еще раз. Рад хотел помахать ей рукой: лети, лети! – уже было вытащил руку из кармана куртки, но остановил себя. Пчелка могла истолковать его жест как призыв и, если действительно была не против его внимания, оказалась бы в неловком положении. Чего ей Рад совсем не желал.

Лети себе, лети, только произнес он про себя, всовывая руку обратно в глубину кармана.

* * *

В маршрутке на обратном пути Рад встретился со своим знакомцем по поселковому магазину, здешним старожилом. Знакомца звали Павел Григорьич. Это был похожий на высушенную временем сучковатую палку старик, с выгнуто-вогнутыми, коряжистыми ногами, с коряжистыми руками и, казалось, вытесанным из коряги усталым землисто-коричневым лицом. Вообще Рад старался не заводить знакомств здесь, Павел Григорьич был исключением. Еще в самые первые дни жизни в поселке, стоя за ним в очереди, Рад выручил старика при расчете с продавщицей, добавив за него недостающие пять или шесть рублей, и с той поры, встречаясь,

они здоровались, и, случалось, приходилось разговаривать.

И сейчас тоже пришлось вступить в беседу.

– За керосином ездил, – сказал Павел Григорья, указывая на большой почерневший от времени бидон с узким горлышком у ног на полу. – Дожили, да? За керосином ездить приходится – семь верст киселя хлебать.

– А раньше что, не приходилось? – из вежливости спросил Рад.

– Да раньше три керосинные лавки в поселки были. Потом одну ликвидировали – так все равно две. Куда ближе – туда пошел. А теперь ездь вон. Да приедешь – нет его. На третий раз купил! Три раза ездил киселя хлебать.

– А что, без керосина нельзя? – все так же для поддержания беседы проговорил Рад. – На что вам керосин? Вы на керосинке готовите? Газ же есть.

– Какой газ, откуда? – спросил Павел Григорьич. – Конечно, на керосинке. Я газ себе ни при советской власти позволить не мог, ни сейчас. Это не в городах – провели и пользуйся. Тут сам все оплачивай. Метр труб к тебе проложили – вот тыщу рублей выложи. Еще метр – еще тыщу. А мне семьдесят метров тянуть. Да плиту покупать, да АГВ, да отопление в доме ставить. Это мне не есть, не пить, пенсию десять лет собирать – так сделаю.

– А дети? – Рад знал от Павла Григорья, что у него трое детей, а младшая дочь с зятем живут с ним. – Дети, наверно, могли бы помочь?

Теперь Павел Григорьич помолчал.

– Пользы-то от детей! – произнес он затем. – Вы своим родителям много ли помогаете? Все им только дай, дай да дай. Много, говорю, помогаете?

Рад вспомнил о своем звонке с переговорного пункта.

– Да уж какое там помогаю, – сказал он.

– Ну вот, а говорите, дети, – с удовлетворением ответил Павел Григорьич.

Маршрутка уже въехала в поселок, остановилась на одной остановке, выпустив несколько пассажиров, остановилась на другой, и Рад, перестав поддерживать со своим магазинным знакомцем разговор, принялся смотреть в окно, чтобы не пропустить места, где сходить ему. Все же он не слишком часто ездил в город, и на скорости знакомое становилось незнакомым.

Шоссе заложило поворот, из-за заборов, скелетов деревьев, вылетело стеклянно-бетонное одноэтажное строение магазина, выкрашенное в бледно-желтый цвет, поодаль от него, отступая от дороги метров на шестьдесят, за жидким беспорядочным парком стояло серое двухэтажное здание бывшего дома культуры, и еще дальше, за домом культуры, на небольшом взгорке возвышалась неожиданного карминного цвета новодельная шатровая церковь. Рад с облегчением удостоверился, что не пропустил своего места.

– У дороги за домом культуры остановите, – попросил он водителя.

Павел Григорьич встрепенулся. Коряжистое лицо его выразило радость.

– Так вместе здесь сходим! Бидончик мой на землю спустить не поможете? А то больно тяжелый.

– О чем разговор, – сказал Рад.

– Вот спасибо, Слава. Вот спасибо, – наградил его Павел Григорьич обращением по имени.

«Рад? – переспросил он, когда они знакомились тогда, уже выйдя из магазина на крыльцо. – Что за имя такое? – И, узнав, что „Радислав“, тут же решил: – Ну, я вас Славой буду звать. А то что за Рад. Не по-русски».

Рад перенял бидон у Павла Григорьича и, выходя из машины, вынес тот наружу. Бидончик был литров на десять, двенадцать. Солидный бидончик. Павел Григорьич выбрался из машины следом. Рад толкнул дверцу, она поехала, захлопнулась, и «Газель», бодро встарахтев мотором, рванула по шоссе дальше.

– Вам, Слава, куда идти-то? – спросил Павел Григорьич. – А то, может, поднесете мне бидончик? Сжадничал я, налил под горло. Ташу, а грыжу так и пучит, боюсь – ну, вылезет, да ущемит. Два-то раза перед этим с коляской ездил. А нынче что-то не взял, опять, думаю, не будет керосина. А он – нака, есть. Знал, что половину надо налить, нет, сжадничал. Сколько керосина на готовку идет! Знай подливай.

Рад поднял бидон с земли, вновь ощутив его жидкую тяжесть.

– Указывайте, Павел Григорьич, как идти.

Ему некуда было торопиться. Даже если бы его магазинный знакомец попросил отнести керосин на другой конец поселка, он бы помог донести бидон итуда.

Они двинулись по асфальтовой дороге, отходящей от шоссе, в глубь поселка – мимо серого здания дома культуры за черной вязью зимнего парка, мимо неожиданно красной церкви за стрельчатой чугунной оградой, и Рад, скрашивая путь разговором, спросил:

– А что же, если так грыжа мучает, операцию, наверно, нужно делать?

– Да ее делай, не делай, операцию, все одно: новая выпрет, – отозвался Павел Григорьич, бодро вышагивая с ним рядом. – Тяжелую же работу все время ворочать приходится. Как без нее. Вырезали мне уже грыжу, было дело. И что? Вот, снова мучаюсь. Пока уж не ущемит, так буду.

– А ущемит – и не поймете, что ущемило, упустите время?

– Ну, упущу так и упущу. Помру. Че уж, разве жизнь? Какая это жизнь. Живешь – не знаешь, как завтрашний день прожить. Пенсию-то какую платят? Вот и ворочаешь с грыжей огород под картошку. Лопатой четыре сотки вскопать. Легко ли?

– Да ведь, Павел Григорьич, – Рад позволил себе иронию в голосе, – платили бы вам пенсию – хоть каждый месяц на курорты летай, грыжа, не грыжа – все равно бы картошку сажали. Не так?

– Сжал бы, – согласился его магазинный знакомец. – Но уж не четыре бы сотки.

– А три, да? – с той же иронией посмотрел на него Рад.

Павел Григорьич, вышагивая рядом и не отставая, ответно взглянул на Рада и теперь не ответил.

– А вы у нас здесь, Слава, чего, дом у вас здесь или на даче у кого зиму живете? – в свою очередь, спросил он после паузы.

Рада неприятно кольнула пронизательность старика.

– Живу, – коротко сказал он. – Зиму или не зиму... не знаю, видно будет.

– Ну да, видно, – поддакнул ему Павел Григорьич. – Недалеко тут где-то, да?

– Недалеко, – с прежней короткостью ответил Рад. Говорить, где живет, ему совсем не хотелось.

– С газом дом-то? С отоплением? – спросил Павел Григорьич.

– С отоплением, – подтвердил Рад.

– С газом-то чего зиму не жить. Живи знай живи.

Так, за таким разговором, они миновали и дом культуры, и церковь за чугунной оградой, пересекли плотину над гладко заснеженными прудами и свернули на уходящую вверх от пруда улицу. Правой стороной улицы были разляпистые бревенчато-каркасные дома советской эпохи, с чердачным вторым этажом под ломаными крышами, с пристроенными по бокам сенями, верандами, кладовками, кухнями, напоми-

навшие Раду косноязычием своих форм прикованных к земле ее притяжением деревянных птеродактилей. Левая сторона принадлежала новому времени: крепостной стеной тянулся палево-кирпичный забор со строчкой железных пик поверху, а из-за него замково тянул себя к небу такого же палевого кирпича трехэтажный особняк под красной черепичной крышей, с башенками, венецианскими окнами, с камерами наружного наблюдения на стенах.

– В таком примерно живете, да? – указывая на палевый особняк, спросил Рада Павел Григорьич.

– Нет, не в таком, – сказал Рад.

Что было истинной правдой. Дом, в котором он жил, был классом пониже. И меньше участок, и камерами наружного наблюдения также не оснащен.

– Ну примерно таком? – не успокоился Павел Григорьич.

– Ну примерно. В некотором роде, – согласился Рад, меняя руку с бидоном.

Улица, на которой обитал его магазинный знакомец, называлась в честь великого пролетарского писателя, мечтавшего о мире соколов без ужей, – улица Горького. Они свернули на нее, и Павел Григорьич, тронув Рада за плечо, помалячил перед собой рукой:

– Вон моя хата. Синий домец, видите? В мезонинном окне солнце еще горит.

Рад без особого воодушевления поглядел, куда указывал его магазинный знакомец. Что-то, родственное прочим пте-

родактилям, прилетевшим из советской эпохи и понуро доживающим свой век в новой эре, просвечивало синим сквозь скелетный ажур уснувших до будущего лета плодовых деревьев. А мезонинное окно синего птеродактиля, поймав в себя солнце, бросало его ослепительное отражение как раз на них с Павлом Григорьичем.

– А вот там, на другой стороне, к оврагу ближе, – промаячил рукой Павел Григорьич, – главные наши демократы живут. Мэр города да его заместитель. Плохо отсюда видно. Вот сейчас подальше пройдем, получше увидите. Хорошо демократы живут. Я уж, конечно, сам не могу, а кто бы их вешать стал, я бы тому веревку подавал.

Рад не успел ни глянуть как следует в направлении, указанном его магазинным знакомцем, ни ответить ему. Они проходили мимо очередного птеродактиля, из его подворотни, припадая брюхом к земле, молча выбралась большая буро-коричневая собака с торчащим комком обрубленного хвоста и, когда выбралась, с оглушительным хриплым лаем понеслась на них. Это была помесь овчарки, боксера, ротвейлера, бог знает кого еще – свирепая дворовая тварь, созданная природой для безрассудной охраны хозяйской собственности.

Она неслась с таким явным намерением, не раздумывая, вцепиться клыками в нарушителей границ своей территории, что у Рада, никогда не боявшегося собак, неожиданно протянуло под ложечкой сквознячком страха. Он взмахнул

сумкой с буханками «Бородинского», собака было затормозила, но, взлаяв, тут же бросилась на Рада снова. Бидон мешал Раду, он выпустил его из руки, и бидон с глухим стуком ударился о землю. Ощеренная собачья пасть в стеклянных нитях слюны между клыками пролетела мимо Рада в считанных сантиметрах. Бидон угодил Раду под ноги и опрокинулся на бок.

– Да что это, Павел Григорьич! – провопил Рад. – Отгоните ее. Она же вас знает!

– Тпру! – почему-то как лошади, закричал на собаку Павел Григорьич. – Тпру тебя! Отмахивайся, Слава, отмахивайся! Это такая кобыла, она и покусает. Полноги отхватит!

Из двора на противоположной стороне улицы, со стуком отбросив к столбу калитку, выбежал всклокоченный мужик с вилами в руках. Несмотря на мороз, он был не только без шапки, но и в одной расхлюстанной до пупа ковбойке. Из-под ковбойки, словно манишка из-под фрака, выглядывала белая майка, а в вырезе майки жарко курчавились заросли, лишь чуть менее буйные, чем на голове.

– Это чья?! – зычным рыком спросил он на бегу. – Это снова немого кобель на людей кидается?

– Так немого, кого еще! – с взвизгом отозвался Павел Григорьич.

– Я его предупреждал! Я ему говорил: сажай на цепь! Я ему обещал: до первого раза!

Собака, роняя с клыков слюну, снова прыгнула – и на этот

раз не промахнулась. Челюсти ее сомкнулись у Рада на рукаве, и, тяжело повиснув на Раде, упираясь в него передними лапами, она принялась мотать головой из стороны в сторону, пытаясь вырвать из рукава захваченный в пасть кусок. Сквозь стиснутые челюсти беспощадным приговором своей жертве вырывалось наружу лютое утробное рычание. Рада в этот миг пробило радостным анестезирующим удовольствием, что у куртки такие толстые рукава. Будь они тоньше, клыки баскервильи достали бы до руки.

Вместе с тем они не могли защищать его слишком долго. Сейчас эта тварь отдерет от рукава шмат – и бросится на него вновь. Рад с силой ткнул растопыренной пятерней в налитый бешенством карий глаз. Челюсти собаки разжались, она выпустила рукав из пасти, жалобный визг вырвался из нее, и, мотнувшись вбок, она грянула задом на землю.

В тот же миг, как собака оказалась на земле, мужик с вилами ожил, метнулся к ней – и вилы вонзились собаке в шею, опрокинули ее на бок.

Вопль, исходивший из нее, достал до неба. Собака попыталась вскочить, но мужик навалился на вилы, зубья их, издав хлюпающий скрипящий звук, вошли в собачью плоть, пришили собаку к земле. Пронзительный младенческий крик оборвался – голос ей пережало, и теперь из горла у баскервильи, клекоча, лез только хрип. Собака сучила лапами, дергала головой, дергалась телом, из ощеренной пасти на дорогу, съедая снег и паря, потек яркий красный ручеек.

– Па-адла! – подобием клекочущего собачьего хрипа вылезло из мужика. Только у собаки это был хрип смерти, у него хрип натуги. – Я предупреждал! До первого раза!..

– Достаточно! Хватит! Зачем?! – заорал Рад.

– А ничего! Ниче, – с удовлетворением проговорил Павел Григорьич. Он поднял с земли бидон и стоял, держа его у ноги. – А то совсем ее немой распустил. Чуть тебя не порвала, кобыла. Пусть знает, как распускать. Жив? Кости не задела? – посмотрел он на белеющий выдраным изнутри синтепоном рукав Рада.

– До первого раза! Я предупреждал! Я говорил: сажай на цепь! – хрипел на пару с издыхающей собакой мужик.

– Хватит же! – Рад кинулся к мужику, схватился за вилы, но получил такой оглушительный удар в ухо, что его отбросило на несколько метров. И больше ему не достало мужества заступиться за собаку. Мужик размозжил бы его, как бьющуюся об оконное стекло надоедливую муху. – Да мать вашу! – выругался Рад, повернулся и быстро зашагал обратно – откуда они пришли с Павлом Григорьичем, – прочь от места казни, причиной которой, не желая того, и стал.

– Слава! – окликнул его Павел Григорьич. – А керосинчик-то мне донести бы?

Рад, не оборачиваясь, махнул рукой. Тащите сами – недвусмысленно означал его жест.

– Нехорошо, Слава! – снова прокричал Павел Григорьич. – Уж сколько пронесли, чуть-чуть осталось...

На этот раз Рад уже не ответил – даже и жестом. Ему хотелось оставить место собачьей казни как можно скорее. К его стыду, хотя и попытался отбить баскервилью от мужика, втайне он был рад, что все произошло так. Если бы не вилы кудлатого, как эта баскервилья повела бы себя, когда очулась? Страх, сквознячком просквозивший под ложечкой, когда собака, вылезши из-под ворот, неслась на него, спустился сейчас из груди в левую ногу: икра ее мелко дрожала, унять дрожь было невозможно, и нога подволакивалась.

* * *

Несколько часов спустя Рад сидел на высоком крутящемся стуле перед барной стойкой дачной гостиной с бокалом мартини в руках и разговаривал с сидевшей на соседнем стуле черноволосой сероглазой прелестницей в туго обтягивающих ее небольшой круглый зад синих джинсах. Кроме того, что черноволоса, сероглаза и в синих джинсах, прелестница была еще в легкой шерстяной бордовой кофточке на голое тело – с таким глубоким вырезом, что соблазнительные округлости ее поднятых невидимым лифчиком грудей выглядывали на белый свет едва не до сосков. Впрочем, во взгляде, каким она смотрела на Рада, была и та природная серьезность, что свидетельствовала о несомненном уме. Она весь вечер откровенно выказывала ему свое благорасположение, это настораживало Рада и одновременно было прият-

но. Она принадлежала к тому типу, который всегда нравился ему – с лету. Что ж, возможно, и он принадлежал к ее типу. Было бы невероятно, чтобы она оказалась от тех, от кого он прятался. А вот ее тип был еще тем типом. Если бы ей достало зоркости, она бы увидела, что, несмотря на вполне целые штаны, он сидит тут перед ней с голой задницей. Так и сверкает ею.

У нее самой, судя по тому, что она тусовалась с Полиной, это место было прикрыто вполне надежно. С Полиной тусовались только такие, других около нее быть не могло. Уж кто-кто, а Полина голодранцев чуяла за версту. У нее был нюх на неблагополучие, и запаха его она не переносила. Как запаха случайно оказавшегося рядом бомжа. Рада можно было считать исключением. Вроде какого-то чистого бомжа. Хотя, возможно, и нет. Возможно, он пока шел по разряду людей, на которых крест еще не поставлен. Хотя бы потому, что ее муж все же водился с ним. Пусть и в качестве сторожа их загородного дома. Но все же и не простого сторожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.